

Ф.Н. Абдраимова^{1*}, А.Ж. Жаксылыков²

^{1,2}Казахский национальный университет имени аль-Фараби,

Алматы, Казахстан

E-mail: ¹fariza.abdrain@gmail.com, ²aslanj54@mail.ru

ORCID: ¹0000-0002-6931-2315, ²0000-0002-0115-1244

ПОЭТИКА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА В ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье предлагается литературоведческий анализ поэтики нравственного выбора в детской прозе XX века на материале художественных текстов казахской, русской и европейской традиций. Цель исследования – выявить художественные механизмы, посредством которых в детской прозе XX века выстраивается новая модель нравственного мышления, и описать структуру образа ребенка-героя как самостоятельного субъекта этической рефлексии. Материалом послужили повесть Б. Сокпакабаева «Меня зовут Кожа» (1957), философская сказка А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1943), «Денискины рассказы» В.Ю. Драгунского (1959–1970-е), цикл А.Д. Петровой «Волки на парашютах» (2012), а также произведения А. Линдгрен и казахстанский русскоязычный сегмент – серия Л. Калаус и З. Наурызбаевой «Приключения Бату и его друзей» и повесть Ф. Тамендарова «Гончие псы» (2018). Теоретическую рамку составляют рецептивно-интерпретационная парадигма (Х.Р. Яусс, В. Изер, Л. Розенблатт), концепция двойной адресации Б. Уолл, категория «скрытого взрослого» П. Ноделмана, идеологический анализ Дж. Стивенса и когнитивная критика М. Николаевой. Результаты анализа обнаруживают устойчивую поэтологическую конфигурацию: нарративная инстанция сближается с сознанием ребенка-героя, образ взрослого утрачивает дидактическую авторитетность и превращается в собеседника или ученика, а финал текста перестает быть моральным заключением, становясь открытым смысловым пространством, требующим читательской интерпретации. Научная новизна состоит в построении сопоставительной типологии поэтики нравственного выбора на материале казахской, русской и европейской детской прозы XX века и в системном описании казахстанского русскоязычного сегмента в его типологическом соотношении с другими традициями. Практическая значимость определяется применимостью полученных результатов в вузовских курсах истории детской и мировой литературы, поэтики и теории рецепции художественного текста.

Ключевые слова: детская литература; поэтика нравственного выбора; образ ребенка; рецепция; интерпретация; детская проза XX века.

Ф.Н. Абдраимова^{1*}, А.Ж. Жаксылыков²

^{1,2}Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,

Алматы, Қазақстан

E-mail: ¹fariza.abdrain@gmail.com, ²aslanj54@mail.ru

ORCID: ¹0000-0002-6931-2315, ²0000-0002-0115-1244

XX ҒАСЫРДАҒЫ БАЛАЛАР ПРОЗАСЫНДАҒЫ АДАМГЕРШІЛІК ТАҢДАУ ПОЭТИКАСЫ

Аңдатпа. Мақалада XX ғасыр балалар прозасындағы адамгершілік таңдау поэтикасына қазақ, орыс және Еуропа дәстүрлерінің көркем мәтіндері негізінде әдебиеттанулық талдау ұсынылады. Зерттеудің

* Укажите правильную ссылку:

Ф.Н. Абдраимова, А.Ж. Жаксылыков. Поэтика нравственного выбора в детской прозе XX века // "Керуен". - 2026. №2, (91-том). - Б. 51-63. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2026.2-03>.

мақсаты – XX ғасыр балалар прозасында адамгершілік ойлаудың жаңа моделі қалыптасатын көркемдік тетіктерді айқындау және этикалық рефлексияның дербес субъектісі ретіндегі бала-кейіпкер бейнесінің құрылымын сипаттау. Зерттеу материалы ретінде Б. Соқпақбаевтың «Менің атым Қожа» (1957) повесі, А. де Сент-Экзюперидің «Кішкентай ханзада» (1943) философиялық ертегісі, В.Ю. Драгунскийдің «Дениска әңгімелері» (1959–1970-жж.), А.Д. Петрованың «Парашютпен түскен қасқырлар» (2012) циклі, А.Линдгреннің шығармалары, сондай-ақ қазақстандық орыс тіліндегі сегмент – Л.Калаус пен З.Наурызбаеваның «Бату мен оның достарының басынан кешкендері» сериясы және Ф.Тамендаровтың «Аңшы иттер» (2018) повесі алынды. Теориялық негізді рецептивті-интерпретациялық парадигма (Х.Р. Яусс, В.Изер, Л.Розенблатт), Б.Уоллдың қосарлы адресация тұжырымдамасы, П.Ноделманның «жасырын ересек» санаты, Дж. Стивенстің идеологиялық талдауы және М. Николаеваның когнитивті сыны құрайды. Талдау нәтижесінде тұрақты поэтологиялық құрылымның қалыптасатыны айқындалды: баяндау инстанциясы бала-кейіпкердің санасына жақындайды, ересек бейнесі бұрынғы дидактикалық беделінен айырылып, әңгімелесушіге немесе шәкіртке айналады, ал шығарманың соңы адамгершілік қорытынды емес, оқырманның өз бетімен түсінуін талап ететін ашық мағыналық кеңістікке айналады. Зерттеудің ғылыми жаңалығы – XX ғасыр қазақ, орыс және Еуропа балалар прозасы материалы негізінде адамгершілік таңдау поэтикасының салыстырмалы типологиясын құруда және қазақстандық орыс тіліндегі сегменттің басқа дәстүрлермен типологиялық арақатынасын жүйелі түрде сипаттауда. Тәжірибелік маңызы – жоғары мектеп курстарында балалар мен әлем әдебиетінің тарихы, поэтика және көркем мәтінді қабылдау теориясы бойынша қолданылу мүмкіндігінде.

Кілт сөздер: балалар әдебиеті; адамгершілік таңдау поэтикасы; бала бейнесі; рецепция; интерпретация; XX ғасыр балалар прозасы.

F.N. Abdraimova^{1*}, A.Zh. Zhaksylykov²

^{1, 2}Al-Farabi Kazakh National University,

Almaty, Kazakhstan

E-mail: ¹fariza.abdraim@gmail.com, ²aslanj54@mail.ru

ORCID: ¹0000-0002-6931-2315, ²0000-0002-0115-1244

THE POETICS OF MORAL CHOICE IN TWENTIETH-CENTURY CHILDREN'S PROSE

Abstract. The article offers a literary analysis of the poetics of moral choice in twentieth-century children's prose based on artistic texts from the Kazakh, Russian and European traditions. The aim of the study is to identify the artistic mechanisms by which a new model of moral thinking is constructed in twentieth-century children's prose and to describe the structure of the child-hero as an autonomous subject of ethical reflection. The material includes Berdibek Sokpakbaev's novella *My Name Is Kozha* (1957), Antoine de Saint-Exupéry's philosophical tale *The Little Prince* (1943), Viktor Dragunsky's *Deniska's Stories* (1959–1970s), Asya Petrova's cycle *Wolves on Parachutes* (2012), works by Astrid Lindgren, and the Kazakhstani Russian-language segment – the series *The Adventures of Batu and His Friends* by Lily Kalaus and Zira Nauryzbayeva and the novella *Hounds* by Farkhat Tamendarov (2018). The theoretical framework draws on the receptive-interpretive paradigm (Hans Robert Jauss, Wolfgang Iser, Louise Rosenblatt), Barbara Wall's concept of dual address, Perry Nodelman's category of the "hidden adult", John Stephens's ideological analysis, and Maria Nikolajeva's cognitive criticism. The analysis reveals a stable poetological configuration: the narrative instance draws closer to the consciousness of the child-hero, the figure of the adult loses its former didactic authority and becomes an interlocutor or a pupil, while the ending of the text ceases to function as a moral conclusion and turns into an open semantic space requiring interpretive work on the part of the reader. The scientific novelty of the study lies in constructing a comparative typology of the poetics of moral choice on the material of Kazakh, Russian and European twentieth-century children's prose and in providing a systematic description of the Kazakhstani Russian-language segment in its typological relation to other traditions. The practical significance consists in the applicability of the results in university courses in the history of children's and world literature, poetics, and the theory of reception.

Keywords: children's literature; poetics of moral choice; the image of the child; reception; interpretation; twentieth-century children's prose.

1. Введение

Детская проза XX века на протяжении столетия совершает поэтологический сдвиг, значение которого выходит далеко за пределы жанровой истории. Из литературы, ориентированной на передачу готового нравственного знания, она превращается в художественное пространство, где нравственный выбор становится предметом самостоятельной работы читателя. Взрослый герой утрачивает прежнюю дидактическую позицию, а ребенок обретает права полноценного этического субъекта. Эта перестройка была замечена и осмыслена западной теорией детской литературы – в работах Б. Уолл о «двойной адресации» (Wall, 1991: 178), П. Ноделмана о «скрытом взрослом» (Nodelman, 2008: 234), К. Рейнольдс о детской книге как «творческом пространстве, в котором писатели проверяют новые идеи о книгах, обществе и нарративах» (Reynolds, 2007: 3), – но остается недостаточно описанной на казахском и казахстанском русскоязычном материале. Настоящая статья предлагает восполнить этот пробел, поместив казахскую и казахстанскую традиции в сопоставительный литературоведческий контекст XX века.

Особая продуктивность подобного сопоставления обусловлена тем, что детская проза XX века развивалась параллельно в существенно различных культурных ситуациях – позднесоветской, европейской, постсоветской российской, независимой казахстанской – и при этом обнаруживает устойчивые типологические схождения. Классическая казахская повесть Б. Сокпакбаева «Меня зовут Кожа» (1957), философская сказка А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1943), «Денискины рассказы» В.Ю. Драгунского (1959–1970-е), повести А. Линдгрена разных лет, современная российская подростковая проза А.Д. Петровой, наконец, казахстанский русскоязычный сегмент – серия Л. Калаус и З. Наурзбаевой «Приключения Бату и его друзей» и повесть Ф. Тамендарова «Гончие псы» (2018) – образуют, при всех очевидных различиях, единое поэтологическое поле. В центре этого поля – ребенок как самостоятельный субъект нравственного выбора.

Актуальность исследования определяется, во-первых, слабой разработанностью казахстанского русскоязычного сегмента детской прозы в академической традиции: за пределами интервью и литературно-критических обзоров специальных литературоведческих работ о нем почти нет (Абишева, Абуова, 2025: 31). Во-вторых, актуальность связана с общей задачей современного литературоведения – осмыслить детскую литературу как самостоятельный предмет теоретической рефлексии, а не как прикладную область педагогики (Hunt, 2005: 3). В-третьих, сопоставительный анализ, объединяющий казахскую, русскую и европейскую традиции, позволяет уточнить универсальную типологию поэтики нравственного выбора и одновременно зафиксировать национально-специфические формы ее реализации.

Цель исследования – выявить художественные механизмы, посредством которых в детской прозе XX века выстраивается новая модель нравственного мышления, и описать структуру образа ребенка-героя как самостоятельного субъекта этической рефлексии. Задачи: уточнить теоретико-методологические основания анализа поэтики нравственного выбора в детской прозе; на материале избранного корпуса выявить нарративные, образные и композиционные механизмы делегирования этического суждения ребенку; описать трансформацию образа взрослого в детской прозе XX века; охарактеризовать казахстанский русскоязычный сегмент детской

прозы в его типологическом соотношении с другими традициями; на материале ограниченной эмпирической выборки соотнести полученные литературоведческие наблюдения с реальной практикой рецепции указанного корпуса читательской аудиторией филологических факультетов.

Научная новизна исследования состоит в построении сопоставительной типологии поэтики нравственного выбора на материале казахской, русской и европейской детской прозы XX века, а также в системном описании казахстанского русскоязычного сегмента, ранее не получавшего последовательного литературоведческого рассмотрения. Практическая значимость определяется применимостью полученных результатов в вузовских курсах истории детской и мировой литературы, поэтики, теории рецепции художественного текста и в разработке методических моделей интерпретационной работы с детским литературным текстом.

2. Методы и материалы

2.1. Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет сочетание рецептивно-интерпретационного, сопоставительно-типологического и лингвопоэтического подходов. Рецептивно-интерпретационная парадигма, восходящая к работам Х.Р. Яусса о горизонте ожиданий, В. Изера об эстетической реакции и Л. Розенблатт о транзакционном чтении (Rosenblatt, 1995: 25), позволяет описать детский литературный текст как открытую структуру, реализующуюся в акте читательской интерпретации. В применении к детской прозе эта парадигма приобретает особую продуктивность, поскольку детская книга по самой своей природе работает с несколькими параллельными горизонтами ожиданий – ребенка-читателя, взрослого посредника, литературного критика, исследователя, – каждый из которых обладает собственной историей.

Сопоставительно-типологический метод обеспечивает возможность анализа корпуса, объединяющего казахскую, русскую и европейскую традиции. Ведущим принципом сопоставления в настоящей работе выступает не хронологическая смежность и не общность жанра, а общность поэтологического типа – совпадение художественных стратегий делегирования этического суждения ребенку-герою. Лингвопоэтический анализ применяется к отдельным фрагментам корпуса и позволяет фиксировать те стилистические и нарративные особенности, которые в терминах Б.В. Томашевского могут быть определены как «сказовая» стратегия детской прозы – передоверение повествования ребенку при сохранении авторского контроля над организацией текста.

Для описания трансформации образа взрослого используется категория «скрытого взрослого» П. Ноделмана (Nodelman, 2008: 234) и концепция двойной адресации Б. Уолл (Wall, 1991: 178), различающая простую (single), двойную (double) и двойственную (dual) адресацию детского текста. Идеологический анализ Дж. Стивенса (Stephens, 1992: 45) применяется для описания тех ценностных структур, которые в детском тексте формируются на уровне художественной формы, а не прямого высказывания. Когнитивная критика М. Николаевой (Nikolajeva, 2014: 78) привлекается для описания механизмов эмпатии и соотношения читательского опыта с опытом ребенка-героя.

Литературоведческое ядро исследования дополнено ограниченным эмпирическим слоем – количественным опросом читательской аудитории, что позволяет соотнести

описанные художественные механизмы с реальной практикой их рецепции. Эмпирическая часть не претендует на самостоятельный исследовательский результат; ее задача – показать, как поэтологическая сложность корпуса проявляется в трудностях его интерпретационного освоения.

2.2. Материалы исследования

Художественный корпус исследования объединяет тексты трех типологически различных, но поэтологически соотносимых пластов детской прозы XX века. Классический казахский пласт представлен повестью Б. Сокпакабаева «Меня зовут Кожа» (1957; русский перевод К. Семенова, 1980), задавшей канон автобиографической детской повести в казахской литературе. Европейский пласт – философской сказкой А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1943, русский перевод Н. Галь) и произведениями А. Линдгрен (цикл о Калле Блумквисте, серия об Эмиле из Леннеберги, трилогия о Карлсоне). Русский пласт – «Денискиными рассказами» В.Ю. Драгунского (1959-начало 1970-х годов) и подростковым циклом А.Д. (Аси) Петровой «Волки на парашютах» (первое издание – СПб.: Гриф, 2012; удостоен первой премии литературного конкурса «Книгуру» в 2011 году).

Казахстанский русскоязычный сегмент представлен серией Л. Калаус и З. Наурзбаевой «В поисках Золотой чаши: Приключения Бату и его друзей», объединяющей современную городскую подростковую повесть с тюркской мифопоэтической традицией, и повестью Ф. Тамендарова «Гончие псы» (2018), удостоенной Международной литературной премии «Алаш» в 2025 году. Этот сегмент включен в анализ в качестве самостоятельного литературного феномена, представляющего модель межкультурного диалога, в которой русский литературный язык становится медиатором национальной мифологии и инструментом артикуляции современной этнокультурной идентичности.

Эмпирический слой исследования составили результаты анкетирования 60 студентов филологических направлений (1-3 курсы) КазНУ им. аль-Фараби и КазНПУ им. Абая, а также опрос 5 преподавателей профильных дисциплин. Выборка составлена с учетом включенности респондентов в образовательные программы, где перечисленные тексты корпуса выступают предметом систематического аналитического разбора. Анкета была направлена на выявление глубины интерпретации нравственного содержания указанных текстов; вопросы включали как закрытые форматы (оценка сложности трактовки, тип восприятия), так и открытые ответы. Для обработки данных использовалась модель уровневого анализа, соотносящая характер работы с текстом (от сюжетного восприятия до аналитического понимания) с уровнем интерпретационных навыков читателя.

3. Обсуждение

3.1. Художественная конфигурация корпуса

Художественный корпус исследования обнаруживает единую поэтологическую конфигурацию, реализованную в существенно различных национальных и жанровых формах. Первый ее компонент – делегирование повествования и этического суждения ребенку-герою. Второй – трансформация образа взрослого. Третий – открытость и неоднозначность финала. Рассмотрим каждый из этих компонентов на материале корпуса.

В повести Б. Сокпакабаева «Меня зовут Кожа», занимающей центральное место в каноне казахской детской прозы XX века, повествование с первой строки выстроено

от первого лица, и взрослый автор сознательно устраняется как этическая инстанция. Зачин повести вводит героя через жест внутренней неловкости и одновременно – через языковую игру: «Меня зовут... Ох, как только собираюсь выговорить свое имя, язык прилипает к гортани. Почему мир так несправедливо устроен, что одним достаются чудесные, звучные имена, а другим...» (Сокпакбаев, 1980: 5). В этом монологическом начале одновременно вводятся имя как этическая категория, общественная оценка и внутренняя самооценка героя; никакая «правильная» позиция не сообщается извне – ее должен обнаружить сам читатель в процессе чтения. Сокпакбаев тем самым строит свою повесть в логике романа воспитания, в котором этическое суждение делегировано ребенку.

В философской сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» аналогичный жест выражен иначе – через инверсию иерархии «взрослый – ребенок». В эпиграфе-посвящении автор оправдывается перед детьми за то, что посвятил книгу взрослому, и завершает оправдание формулой, задающей весь смысловой строй произведения: «Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит» (Сент-Экзюпери, 2016: 7). Кульминационная этическая мысль о «приручении» вкладывается не в реплику нарратора, а в речь Лиса: «Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» (Сент-Экзюпери, 2016: 73). Моральная истина здесь не предписывается, а сообщается через диалог; читатель приглашается к ее самостоятельному усвоению.

Сопоставление двух этих канонических текстов обнаруживает общую художественную закономерность: в детской прозе XX века нарративная инстанция последовательно сближается с сознанием ребенка-героя, а образ взрослого утрачивает прежнюю дидактическую авторитетность и превращается в собеседника, ученика или ироническую фигуру моральных констатаций. Финал текста при этом перестает быть моральным заключением и становится открытым смысловым пространством, требующим читательской интерпретации.

Русско-советский пласт корпуса представлен «Денискиными рассказами» В.Ю. Драгунского – циклом, в котором позднесоветская детская проза совершает шаг, чрезвычайно важный для описанной поэтологической конфигурации. Драгунский строит цикл как монологи от первого лица, в которых Дениска Кораблев – рассказчик и одновременно центральный этический субъект – фиксирует собственный внутренний мир без вмешательства взрослой оценивающей инстанции. Программный для всего цикла рассказ «Что я люблю» устроен как перечисление того, что составляет личный мир героя: любимые еда, игры, состояния, желания, культурные впечатления. Существенно, что Драгунский не завершает этот перечень моральным выводом; завершение – простое: «Я много чего люблю!» (Драгунский, 2010: 45). Единственный «взрослый» отклик появляется в смежном рассказе «Что любит Мишка», где учитель музыки Борис Сергеевич, выслушав такое же перечисление, произносит: «А я и не знал. Честно говоря, ты ведь еще маленький, ты не обижайся, а смотри-ка – любишь как много! Целый мир» (Драгунский, 2010: 52). Эта реплика построена как признание, а не как поучение: взрослый обнаруживает, что не знал о мире ребенка, и открывает его для себя. В терминах двойной адресации Б. Уолл здесь работает классический случай двойственной адресации (dual address): ребенок-читатель воспринимает реплику учителя как часть сюжета, взрослый – как камертон, по которому настраивается восприятие всего цикла.

Позднесоветскую линию продолжает и одновременно радикально переосмысляет современная российская подростковая проза, представленная в корпусе циклом А.Д. Петровой «Волки на парашютах» (Петрова, 2012). Формально это, по авторскому определению, «маленькая повесть в рассказах», состоящая из двух частей: «Корова в моей голове» и «Имя для взрослого». Особенность нарративной стратегии Петровой состоит в том, что главного героя автор каждый раз именует по-разному – он то «мальчик», то «я», то получает в очередном рассказе одноразовое имя, – и эта переменчивость именования становится одним из конструктивных принципов цикла. Ребенок-рассказчик Петровой не «постоянный персонаж» в традиционном понимании, а скорее открытая позиция, через которую автор разными способами фиксирует логику детского восприятия в разных жизненных ситуациях. Если у Драгунского взрослая инстанция была фигурой стабильности, то у Петровой она становится фигурой проблематизации – взрослый не утешает, а признает сложность. Эта смена и есть, в терминах П. Ноделмана, переориентация «скрытого взрослого» (Nodelman, 2008: 234): авторская инстанция перестает быть педагогическим ментором и превращается в сочувствующее присутствие, признающее за ребенком право на собственное переживание.

Скандинавская линия корпуса представлена произведениями А. Линдгрена, у которой сдвиг реализован через игровую поэтику и карнавальную инверсию. В повестях о Калле Блумквисте взрослый мир изображен как мир благожелательной, но во многом близорукой рутины; реальные этические задачи – поиск преступника, защита друга, спасение жизни – решаются детьми самостоятельно. В цикле об Эмиле из Леннеберги взрослый авторитет постоянно становится объектом доброй иронии, а в трилогии о Карлсоне сама фигура «взрослого внутри» превращается в карнавальную пародию на дидактическую инстанцию. Линдгрена, как точно отмечает К. Рейнольдс, разрабатывает не «убежище от взрослости», а художественное пространство, в котором ребенок впервые получает право быть субъектом этического выбора (Reynolds, 2007: 113). Б. Уолл, рассматривая нарративную стратегию ее повестей, обращает внимание на то, что детские книги Линдгрена последовательно работают с «двойным адресатом» – ребенком как непосредственным читателем и взрослым как сопричастным участником коммуникации (Wall, 1991: 178).

Особое местовыписываемой конфигурации занимает казахстанский русскоязычный сегмент. Серия Л. Калауса и З. Наурзбаевой «В поисках Золотой чаши: Приключения Бату и его друзей» построена как жанровый синтез современной городской повести и фэнтези на основе тюркской мифологии. Современный казахстанский школьник Бату и его друзья встречают на своем пути царевича Аспару, могучую птицу Самрук, ведьму Жезтырнак, Бапы-хана, Коркута – мифологических персонажей, известных по казахской народной традиции, но включенных в художественную ткань повести как живые действующие лица. Сами авторы формулируют художественную задачу серии следующим образом: «В наших книгах сказка не оторвана от реальной жизни, она плавно перетекает в нее... И при этом им открыта другая часть мира, волшебная» (Калаус, Наурзбаева, 2018). Мифопоэтический план работает здесь не как декорация и не как назидательная параллель, а как самостоятельная художественная реальность, участие в которой требует от ребенка-героя самостоятельного этического выбора. «Скрытый взрослый» Ноделмана обнаруживает в этом сегменте дополнительное

измерение: он транслирует ребенку национальную культурную память, но транслирует ее не в форме нормативной педагогики, а в форме игровой приключенческой повести, через которую миф входит в современную городскую культурную ткань.

Схожая, но эстетически иначе решенная конфигурация обнаруживается в повести Ф. Тамендарова «Гончие псы» (2018). Реалистический подростковый сюжет о путешествии алматинских школьников автостопом во Владивосток соединен с встроенной «Одиссеей Джозефа Монгола», написанной героем-подростком Жусупом, – повестью о маленьком монголе и английском корсаре XVI века Фрэнсисе Дрейке; оба плана работают одновременно, открываясь по-разному для подростка-читателя и для взрослого посредника. Русский литературный язык здесь становится не столько языком описания, сколько инструментом художественной артикуляции современной казахстанской этнокультурной идентичности. Соединение казахского материала Сокпакабаева, тюркской мифопоэтической традиции Калаус и Наурызбаевой и современного русскоязычного повествования Тамендарова обнаруживает устойчивую национальную линию, в которой ребенок-герой одновременно является носителем культурной памяти и субъектом ее индивидуального переосмысления.

Обзор корпуса подтверждает тезис К. Рейнольдс о том, что детская книга XX века представляет собой «творческое пространство, в котором писатели проверяют новые идеи о книгах, обществе и нарративах» (Reynolds, 2007: 3). При этом обнаруживается любопытная асимметрия: если европейская детская проза XX века все чаще выбирает аллегорическую, фантазийную или притчевую форму, то казахская детская проза в лице Сокпакабаева сохраняет реалистическую исповедальную форму, добиваясь сходного эффекта вводом фигуры автобиографического первого лица; современный казахстанский русскоязычный сегмент, напротив, вновь возвращается к соединению реализма и мифопоэтики. Русская же линия – от Драгунского к Петровой – проходит собственный путь от «сказовой» лирики к сложной подростковой психологической прозе. Именно с этой поэтологической сложностью и сталкиваются студенты, что находит отражение в количественных результатах эмпирической части исследования.

3.2. Читательская рецепция корпуса

Проведенный эмпирический опрос показал, что аналитическая работа с описанным корпусом вызывает у студенческой аудитории существенные интерпретационные трудности. Полученные данные приведены в таблицах 1–4.

Таблица 1 – Уровень освоения материала (n = 60)

Уровень подготовки	Количество студентов	Доля (%)
Высокий	39	65
Средний	14	23
Низкий	7	12

Из данных таблицы 1 видно, что 39 студентов (65%) демонстрируют высокий уровень освоения материала, определяемый способностью к интерпретации текста. При этом 41 студент (68%) при разборе произведения обращает внимание на

нравственный конфликт, тогда как 21 студент (35%) сводит аналитическую работу к пересказу, воспроизводя формулировки наподобие «герой поступил правильно», без анализа художественных механизмов текста.

Таблица 2 – Типы читательского восприятия (n = 60)

Тип восприятия	Количество студентов	Доля (%)
Аналитическое	34	57
Смешанное	19	32
Репродуктивное (пересказ)	7	11

Данные таблицы 2 уточняют структуру читательских практик. Только 34 студента (57%) продемонстрировали устойчивое умение аналитического чтения. В ответах этой группы фиксировались категории «ответственность», «выбор», «ценностная неопределенность» – именно те, которые релевантны для описанной выше поэтологической конфигурации. Смешанный (32%) и репродуктивный (11%) типы восприятия свидетельствуют об ограниченности освоения художественных стратегий рассматриваемых текстов.

Таблица 3 – Основные трудности интерпретации (n = 60)

Проблемная зона	Количество студентов	Доля (%)
Жанровая идентификация	42	70
Осмысление нравственного конфликта	39	65
Формирование ценностных выводов	31	52
Понимание роли взрослого	28	47

Полученные данные (таблица 3) прямо коррелируют с художественными особенностями корпуса. Наиболее выраженная трудность – жанровая идентификация (70%) – объясняется гибридной жанровой природой ряда текстов: у Сокпакбаева – между повестью и автобиографией, у Сент-Экзюпери – между философской сказкой и притчей, у Калаус и Наурзбаевой – между городской подростковой повестью и мифопоэтическим фэнтези, у Тамендарова – между реалистической повестью-путешествием и историко-фантастической встроенной новеллой. Трудность осмысления нравственного конфликта (65%) непосредственно связана с описанной выше поэтологической установкой корпуса на отказ от прямого морального высказывания. Затруднения в понимании роли взрослого (47%) отражают ту

трансформацию образа взрослого героя, которая была прослежена на материале корпуса выше.

Таблица 4 – Оценка корпуса преподавателями (n = 5)

Показатель	Количество
Снижение уровня аналитического чтения	5
Необходимость обновления методики анализа	5
Недооценка корпуса в учебных программах	4
Высокий художественный потенциал корпуса	5

Оценки преподавателей (таблица 4) подтверждают данные студенческого опроса и одновременно указывают на институциональный контекст. Все пятеро преподавателей отмечают снижение уровня аналитического чтения и необходимость обновления методики анализа, четверо – недооценку корпуса в учебных программах. Литературно-художественный потенциал рассматриваемых текстов, при этом, оценивается всеми преподавателями как высокий.

Проведенный анализ обнаруживает, что детская проза XX века на казахском, русском и европейском материале выстраивает устойчивую поэтологическую конфигурацию, ядром которой является передача этического суждения ребенку-герою. Эта передача реализуется через три взаимосвязанных художественных механизма. Первый – автодиегетическое повествование, при котором рассказчик-ребенок получает права полноценной нарративной инстанции: этот механизм работает у Сокпабаева, Драгунского, Петровой и – в модифицированном виде – у Тамендарова. Второй – трансформация образа взрослого: у Сент-Экзюпери взрослый становится Летчиком, «вспомнившим, что он был ребенком»; у Драгунского – удивленным и признающим собеседником; у Петровой – сочувствующим свидетелем; у Линдгрена – объектом доброй иронии. Третий – открытость финала, отказ от прямого морального заключения и делегирование этической работы читателю.

Существенно, что эта поэтологическая конфигурация выступает в корпусе не как сумма локальных приемов, а как системная художественная установка, соединяющая казахскую, русскую и европейскую традиции в единое типологическое поле. При этом каждая из национальных линий сохраняет собственную поэтологическую индивидуальность: казахская – реалистическую исповедальную форму (Сокпабаев) и мифопоэтический синтез (Калаус, Наурызбаева, Тамендаров), русская – «сказовую» лирику (Драгунский) и подростковую психологическую прозу (Петрова), европейская – аллереорию (Сент-Экзюпери) и игровую карнавальность (Линдгрена). Тем самым описанная конфигурация оказывается не универсальной шаблонной схемой, а сложной типологической системой, в которой одновременно работают общие и национально-специфические механизмы.

Полученные результаты позволяют, во-первых, обосновать казахстанский русскоязычный сегмент детской прозы в качестве самостоятельного литературного феномена, до настоящего времени не описанного системно в академической

традиции; во-вторых, уточнить теоретические положения о «скрытом взрослом» Ноделмана и о двойной адресации Уолл применительно к материалу, включающему тюркскую мифопоэтическую традицию; в-третьих, обнаружить типологическую соотнесенность казахской повести Сокпакбаева с русской и европейской детской прозой XX века, ранее не получавшую в литературоведческой традиции систематического описания.

Ограниченный эмпирический слой исследования подтверждает, что описанная поэтологическая сложность рассматриваемого корпуса непосредственно проявляется в трудностях его читательской интерпретации. Это позволяет говорить о необходимости построения интерпретационных моделей работы с детским литературным текстом, учитывающих его художественную специфику, а не только тематическое содержание. Эта задача, впрочем, выходит за пределы настоящей статьи и относится к области перспективных исследований.

4. Результаты исследования

Проведенное исследование позволило установить следующие результаты. Во-первых, на материале избранного корпуса детской прозы XX века выявлена устойчивая поэтологическая конфигурация, ядром которой является передача этического суждения ребенку-герою. Эта конфигурация реализуется через три системно связанных художественных механизма: автодигетическое повествование, при котором рассказчик-ребенок выступает полноценной нарративной инстанцией (Сокпакбаев, Драгунский, Петрова, в модифицированной форме – Тамендаров); трансформацию образа взрослого от нормативной инстанции к собеседнику, ученику или сочувствующему свидетелю (Сент-Экзюпери, Драгунский, Петрова, Линдгрэн); открытость финала, отказ от прямого морального заключения и делегирование этической работы читателю.

Во-вторых, установлено, что описанная конфигурация выступает в корпусе не как сумма локальных приемов, а как системная художественная установка, объединяющая казахскую, русскую и европейскую традиции в единое типологическое поле. При этом каждая из национальных линий сохраняет собственную поэтологическую индивидуальность: казахская – реалистическую исповедальную форму у Сокпакбаева и мифопоэтический синтез у Калаус, Наурзбаевой, Тамендарова; русская – «сказовую» лирику у Драгунского и подростковую психологическую прозу у Петровой; европейская – аллегорию у Сент-Экзюпери и игровую карнавальность у Линдгрэн.

В-третьих, казахстанский русскоязычный сегмент детской прозы впервые описан в исследовании как самостоятельный литературный феномен, представляющий модель межкультурного диалога, в которой русский литературный язык становится инструментом артикуляции национальной мифопоэтической традиции и современной этнокультурной идентичности.

В-четвертых, данные ограниченного эмпирического слоя исследования подтверждают, что описанная поэтологическая сложность корпуса непосредственно проявляется в трудностях его читательской интерпретации: наиболее выраженные проблемные зоны – жанровая идентификация (70%), осмысление нравственного конфликта (65%), формирование ценностных выводов (52%) – коррелируют с ключевыми характеристиками описанной художественной конфигурации.

5. Заключение

Проведенное сопоставительное исследование позволяет говорить о детской прозе XX века как о едином художественном пространстве, в котором формируется новая модель нравственного мышления, реализуемая на казахском, русском и европейском материале. Ребенок-герой выступает в этом пространстве не объектом воспитательного воздействия, а самостоятельным субъектом этической рефлексии; взрослый утрачивает прежнюю дидактическую авторитетность; финал текста делегирует этическую работу читателю.

Научная новизна исследования состоит в построении сопоставительной типологии поэтики нравственного выбора на материале казахской, русской и европейской детской прозы XX века и в системном литературоведческом описании казахстанского русскоязычного сегмента, ранее не получавшего последовательного академического рассмотрения. Практическая значимость определяется применимостью полученных результатов в вузовских курсах истории детской и мировой литературы, поэтики и теории рецепции, а также в разработке интерпретационных моделей работы с детским литературным текстом.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением сопоставительной базы за счет казахскоязычного сегмента современной детской прозы (Ә. Толымбек, А. Елгезек), с углубленным описанием жанровых форм современной казахстанской русскоязычной подростковой повести, а также с построением интерпретационных моделей, учитывающих специфическую поэтологическую конфигурацию рассматриваемого корпуса и обеспечивающих ее адекватную читательскую рецепцию.

Литература:

1. Абишева С.Д., Абуова Б.П. Творчество Бердибека Сокпакабаева в области детской литературы (1924–1991) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 1 (91). – С. 30-35.
2. Байманова Л., Газдиева Б., Альтхонаян А., Жумагулова Ю., Кальжанова А. Исследовательские навыки и академическая грамотность в многоязычном высшем образовании: пример Казахстана // Образовательные науки. – 2026. – Т. 16, № 1. – Ст. 21.
3. Драгунский В.Ю. Денискины рассказы. – М.: Махаон, 2010. – 160 с.
4. Жаксылыков А.Ж. Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы: типология, эстетика, генезис. – Алматы: Қазақ университеті, 2013. – 380 с.
5. Жаркынбекова Ш.К. и др. Об идентичности студенческой молодежи Казахстана (эмпирический анализ) // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия «Филологические науки». – 2023. – № 2. – С. 31-41.
6. Калаус Л., Наурызбаева З. В поисках Золотой чаши: Приключения Бату и его друзей. – Алматы: Аруна, 2018. – 240 с.
7. Крэмш К. Язык и культура. – Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1998. – 134 с.
8. Николаева М. Читая, познавать: Когнитивные подходы к детской литературе. – Амстердам: John Benjamins, 2014. – 247 с.
9. Ноделман П. Скрытый взрослый: К определению детской литературы. – Балтимор: Johns Hopkins University Press, 2008. – 408 с.
10. Петрова А.Д. Волки на парашютах. – СПб.: Гриф, 2012. – 128 с.
11. Рейнольдс К. Радикальная детская литература: перспективы будущего и эстетические трансформации в юношеской беллетристике. – Бейзингсток; Нью-Йорк: Палгрейв Макмиллан, 2007. – 215 с.
12. Розенблатт Л.М. Литература как исследование. – 5-е изд. – Нью-Йорк: Modern Language Association of America, 1995. – 321 с.

13. Сент-Экзюпери А. де. Маленький принц / пер. с фр. Н. Галь. – М.: Эксмо-Пресс, 2016. – 96 с.
14. Сокпакбаев Б. Меня зовут Кожа: Повести / пер. с каз. К. Семенова. – Алма-Ата: Жалын, 1980. – 496 с.
15. Стивенс Дж. Язык и идеология в детской литературе. – Лондон; Нью-Йорк: Лонгмен 1992. – 308 с.
16. Тамендаров Ф. Гонимые псы. – Алматы: Аруна, 2018. – 288 с.
17. Уолл Б. Голос нарратора: Дилемма детской беллетристики. – Бейзингсток: Макмиллиан, 1991. – 287 с.
18. Хант П. Понимание детской литературы. – 2-е изд. – Лондон; Нью-Йорк: Рутледж, 2005. – 240 с.

References:

1. Abisheva S.D., Abuova B.P. (2025) The works of Berdibek Sokpakbaev in children's literature (1924-1991). Vestnik KazNPU im. Abaya. Filologicheskie nauki, no. 1 (91), pp. 30-35. (rus)
2. Baimanova L., Gazdiyeva B., Althonayan A., Zhumagulova Y., Kalzhanova A. (2026) Research skills and academic literacy in multilingual higher education: The case of Kazakhstan. Education Sciences, vol. 16, no. 1, article 21. (eng)
3. Dragunsky V.Yu. (2010) Deniska's stories. Moscow, Makhaon, 160 p. (rus)
4. Hunt P. (ed.) (2005) Understanding children's literature. 2nd ed. London, New York, Routledge, 240 p. (eng)
5. Kalas L., Nauryzbayeva Z. (2018) In search of the Golden Cup: The Adventures of Batu and his friends. Almaty, Aruna, 240 p. (rus)
6. Kramsch C. (1998) Language and culture. Oxford, Oxford University Press, 134 p. (eng)
7. Nikolajeva M. (2018) How children's literature works: A toolkit of cognitive and aesthetic analysis. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 292 p. (rus)
8. Nodelman P. (2008) The hidden adult: Defining children's literature. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 408 p. (eng)
9. Petrova A.D. (2012) Wolves on parachutes. Saint Petersburg, Grif, 128 p. (rus)
10. Reynolds K. (2007) Radical children's literature: Future visions and aesthetic transformations in juvenile fiction. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan, 215 p. (eng)
11. Rosenblatt L.M. (1995) Literature as exploration. Moscow, Progress, 321 p. (rus)
12. Saint-Exupéry A. de (2016) The little prince. Transl. from French by N. Gal'. Moscow, Eksmo-Press, 96 p. (rus)
13. Sokpakbaev B. (1980) My name is Kozha: Novellas. Transl. from Kazakh by K. Semenov. Alma-Ata, Zhalyln, 496 p. (rus)
14. Stephens J. (2005) Language and ideology in children's fiction. Moscow, Literaturnaya kritika, 308 p. (rus)
15. Tamendarov F. (2018) Hounds. Almaty, Aruna, 288 p. (rus)
16. Wall B. (1991) The narrator's voice: The dilemma of children's fiction. Basingstoke, Macmillan, 287 p. (eng)
17. Zhaksylykov A.Zh. (2013) Images, motifs and ideas with religious content in the works of Kazakh literature: Typology, aesthetics, genesis. Almaty, Qazaq universiteti, 380 p. (rus)
18. Zharkynbekova Sh.K. et al. (2023) On the identity of student youth of Kazakhstan (empirical analysis). Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. Sh. Ualikhanova. Filologicheskie nauki, no. 2, pp. 31-41. (rus)